

УДК 34(470+571)«19»
ББК 67.3(2)52

ВИДЫ, СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ¹

С.Ю. Краснов

В данной статье автор проводит конкретно-историческую реконструкцию видов, способов получения и значения судебных доказательств в деятельности обычных судов (включая станичные суды), функционировавших в области Войска Донского во второй половине XIX века. Автор подробно рассматривает все виды судебных доказательств, применяемых в практике обычных судов, и раскрывает особенности каждого вида доказательств. Привлечение большого количества фактологического материала, в том числе введение в научный оборот ранее никем не опубликованных архивных данных, а также их детальный анализ позволили автору статьи прийти к выводу о том, что по обычному праву донских казаков во второй половине XIX в. судебные доказательства имели большое, но далеко не всегда определяющее значение для вынесения справедливого решения по делу.

Ключевые слова: обычное право, донские казаки, судопроизводство, виды судебных доказательств, история права России.

На современном этапе наряду с совершенствованием и развитием судебной системы в России государством признана и на законодательном уровне закреплена необходимость развития медиации и других альтернативных способов разрешения споров. Чтобы этот процесс был результативным, в частности, следует учитывать и традиционные историко-этнографические аспекты правовой культуры донского казачества, своеобразии представлений донских казаков об организации и деятельности своих обычных судов (в том числе и станичных судов), особенности понимания ими законности и справедливости при разрешении различного рода споров.

В связи с этим особое значение приобретает научное исследование вопросов, связанных с видами, способами получения и значением судебных доказательств в судопроизводстве по обычному праву донских казаков во второй половине XIX в., к подробной конкретно-исторической реконструкции чего мы и переходим.

Все предпринимаемые правительством попытки упорядочить судопроизводство донских казаков на основе норм официального законодательства, а тем более ввести во второй половине XIX в. в области Войска Донского единственный судебный орган – станичный суд, на наш взгляд, не дали и не могли дать никаких желаемых результатов, поскольку были направлены на вытеснение на станичном и хуторском уровнях норм обычного права из сферы судопроизводства с заменой его нормами официального законодательства. Обычные суды при рассмотрении различного рода споров, возникающих между станичниками и хуторянами, по-прежнему продолжали руководствоваться нормами обычного права, подтверждением чему могут служить различные виды, способы получения и оценка судебных доказательств, которые судьи считали относимыми и допустимыми в процессе судопроизводства.

Если тяжущихся примирить не удавалось, то судьи нередко еще раз опрашивали истца, ответчика и свидетелей, тщательно обсуждали все имеющиеся в деле судебные доказательства и только после этого выносили

окончательное решение. Обычно судьи просили обвиняемого (ответчика) сознаться в совершении правонарушения, потому что чистосердечное признание могло привести к смягчению наказания.

3 февраля (1852 г. – С. К.) станицы сей (Акишевской. – С. К.) казак Василий Ленков и Иван Мионов объявили станичному правлению, что у первого сворованы 3 живых индейки, в воровстве которых он подозревает сына казака Финогена Зрянина и у последнего в прошлом году пропала западня которую ловят птицу, и ныне открыта им у казачьего сына Никифора Лунькина при вопросе в станичном правлении после разных привлеченных улик, казак Зрянин сделал сознание и согласился за поворованных индеек удовлетворить казака Ленкова и Лунькина хотя и не сознался в воровстве западни, но указывает открытием оной у него, а что действительно она принадлежит Миронову что подтверждают да и сам Лунькин напоследок сознался...² [4, оп. 2, д. 314, л. 9 об.].

Однако в некоторых станицах и хуторах сами станичники (хуторяне), заподозрив какого-нибудь казака в краже и т. п., зывали его в кабак или к себе в гости и начинали жестоко избивать до тех пор, пока он не признавался.

...Заподозренные в краже приглашены были на выпивку и закуску в кабак, где их и «взяли за приставы». Зять сделал кому-то полупризнание, заявив, что из пропавших лошадей можно будет некоторых воротить. Такое признание подлило масла в огонь, и заподозренных взяли на кулаки и «понесли» [22].

Иногда дело заканчивалось простым кулачным самосудом, но чаще станичники (хуторяне) таким образом заставляли вора самого идти к судьям с признанием. Или уличивши кого-нибудь в воровстве, станичники (хуторяне) заставляли его идти в суд и объявлять, что он вор, угрожая в противном случае избить его. Собственное признание правонарушителем своей вины имело в подобных случаях доказательственную силу.

Такую же силу имело и признание долга со стороны должника.

1840 года июня 19 дня, мы нижеподписавшиеся сим свидетельствуем, что казак Павел Чернялов в Нижне-Курмоярском станичном правлении при нас добровольно сознался что он брал у казака Федота Железнякова заимообразно 700 рублей из коих Черняловым Железнякову уплачено 396 рублей и остается за первым неуплаченным 304 рублей... [4, оп. 4, д. 272, л. 94].

Большую роль играли в обычных судах и свидетельские показания. Причем судьи могли принимать свидетельские показания не только от посторонних лиц, но и от родственников ответчика (обвиняемого), а также от его малолетних детей [21, с. 319].

В своем «объявлении», поданном 7 апреля 1860 г. в Мигулинское станичное правление, казак хутора Громчанского Василий Зеленков указывает, что подозревает в краже его вещей (платков и подошв) на сумму 15 руб. 50 коп. казачью жену Аксиныю Авиллову.

Хотя по многим допросам хуторских стариков и станичного правления, Авилова не созналась в похищении упомянутых вещей, но теперь оказались у ней башмаки сшитые чеботарем Прокопенко, когда же ее допрашивали в хуторском обществе где она взяла товара для башмаков, то Авилова показала что будто дал ей ее дядя казак Фома Павлов, который при очной ставке с Авилловой отказался, что подошв он ей никаких и никогда не давал... [4, оп. 2, д. 1093, л. 37–37 об.].

В акте, составленном 28 сентября 1860 г. судьей Мигулинского станичного правления урядником Гориным и есаулом Бабкиным с подписавшими его понятыми, указывается:

...казак Александр Мрыхин надеясь на свое состояние самонадеянно начал распаивать пашни Гурова присваивая их себе; потому праву что он и тесть его действительно назад тому лет 20-ть владел ими. Доказательств на право собственности он никаких не поставил и соображая это и показания жителей соседственных хуторов мы по справедливости признаем жалобу казака Гурова справедливою. В чем акт сей по долгу совести и утверждаем своим подписом [там же, л. 93–93 об.].

Особые требования предъявлялись к судьям-понятым, когда они выступали в качестве свидетелей в суде стариков или в суде хуторского схода. В этом случае, если понятые расследовали дело, в котором присутствовали улики, не подлежащие перепроверке в дальнейшем, казаки строго следили за тем, чтобы в числе понятых не были близкие родственники, друзья и приятели, и вообще лица, заинтересованные в данном деле. Также осторожно в суде хуторского схода относились к свидетельским показаниям друзей и кумовьев, потому что в хуторах эти отношения считались даже более близкими, чем родственные [7, с. 128–130].

Судьи во время опроса свидетелей обращали внимание не столько на степень родственной близости свидетелей к каждой из сторон судебного разбирательства, сколько на сам способ дачи показаний. Они прислушивались к речи свидетелей, к интонации их голосов, внимательно всматривались в выражение лиц и т. п. Огромное значение имела и сама личность свидетеля. Для решения дела обычного требовалось не менее 2 свидетелей, хотя казаки в некоторых местах считали, что «если один свидетель и того слушают» [21, с. 320].

1843 года июня 3 дня в Вешенском станичном собрании слушали доклад станичных правителей, о воровстве с мельницы казака Феоктиста Карева железного веретена и пятерни и самые обстоятельства дела, по коему оказался виновным в воровстве этом жительствующий к мельнице казак Симион Кочитов 32-х лет, из казачьего происхождения, по службе отличий не имеющий, который хотя и не признается в том, но доказывается цыганом Василием Лишанским, что он принес к нему в кузню одно кольцо железное с пятерни из коего сделал он ему 4 крючка, цепь, противу чего Кочитов хотя тоже говорит, что кольцо это было не с пятерни а с волчьего капкана, но казак Иван Хуртасов, Антон Сериков видевшие кольцо, когда работал цыган удостоверяют, что это кольцо совсем ни с капкана, которые бываю не такового манера и не такие толстые, воровство сделано на страстной неделе и Кочитов в поведении своем не одабривается... [4, оп. 2, д. 592, л. 49–49 об.]

По другому делу «о воровстве казаком Потапом Ващаевым у казака Павла Ушакова шинели» нашли:

1853 года апреля 12 дня войска Донского Вешенской станицы определено 25 депутатов из них 20 депутатов присутствовали, в присутствии станичных правителей рассматривали предмет о воровстве казаком Потапом Ващаевым у казака Павла Ушакова шинели нашли, что 6 числа сего месяца в ночи Ващаев своровал у товарища серого сукна шинель и по просьбе Ушакова с обещанием ему наличными 50 коп. серебром денег указал ему где схоронена его шинель, что подтверждает находившийся под секретом казак Семен Суворов, но Ващаев от всего этого отказывается. Он подозревается в подобных воровствах [там же, д. 639, л. 69].

Уличная баталия между казачьей женой В. и девицей Ч. (казачкой) в станице М-ой. Станичный суд приговорил Ч. к 7 дням ареста. В. привела на суд 2-х свидетелей, а у Ч. свидетелей не было [19].

В качестве доказательств и улик судьи принимали вещи, принадлежавшие обвиняемому (клички одежды, вырванной бороды и т. д.), различные орудия, с помощью которых было совершено преступление (лом, заступ, гвоздь и т. д.), а также имеющиеся на теле пострадавшего синяки, царапины, раны и т. п.

В «объявлении», поданном 24 августа 1860 г. в Мигулинское станичное правление, «полное общество» хутора Назаровского сообщает о том, что казак Иван Макаров Силков нанес казаку Петру Силкову «смертный бой»:

ударил его колом ниже левого уха от удара онаго упал на землю. При этом бое был урядник Медков и казачка Марья Назарова... от удара 2 зуба выбиты так что кровью земля насытилась. А по окончании драки было собрано общество на суждение боя, но казак Силков общество и знать не хочет, даже некоторых урядников и стариков начал скверно матерно обругивать. Но мы полное общество не можем никак его покорить кроме как донести станичному правлению дабы мы не могли за него попасть под правосудие. Ибо это он не первый раз бой учиняет, но с ним случилось неоднократно. При сим объявлении доставляется ударный кол запечатан урядником Медковым в том свидетельствует хутора Назаровского урядник... [4, оп. 2, д. 1093, л. 83–83 об., 122].

В своем «объявлении» от 7 июля 1860 г. казак Мигулинской станицы Петр Рыбников указывает следующее:

5 числа сего июля, с женою своею Дарьею я выехал в поле косить жито засеянное собственно мною, приехавши к пашне, я к удивлению увидел что это жито мое косит свояк мой казак Иван Антамонов... но он после словесной ссоры кинулся с женою своею Еленою и дочерью Апроксиньею, на жену мою Дарью, вдарили ей в голову граблями, пробили оную до крови и сбивши ее с ног били кулаками и ногами, так что причинили ей тяжкое увечье. Почему для освидетельствования ее в этих побоях. я представляю при сем станичное правление...» [там же, л. 67–67 об., 126].

Интересно отметить, что осмотр пострадавших от преступных посягательств на их жизнь и здоровье проводился в хуторах и станицах без участия врача или иного лица, обладающего медицинскими знаниями, что подтверждают следующие примеры. В своем рапорте в Мигулинское станичное правление приказной и старики хутора Дубровского докладывали о совершенном преступлении следующее:

Жена казака Андрея Гурова приведена соседями к приказному в доме вчера вечером крепко убита и почти без памяти, указывая, что бита она мужем ее Андреем Гуровым, собрались старики и освидетельствовали побои на спине 6 синих знаков, она же говорит, что крепко бил ногами в грудь и бока... [4, оп. 2, д. 1093, л. 42–42 об.].

В акте, составленном 24 августа 1860 г., говорится:

Мы нижеподписавшиеся, в присутствии Мигулинского станичного правления свидетельствуя казака Тимофея Брехова нашли: По наружному виду Брехова заметно слабое его положение, на правой стороне груди сверху сиски рана, величиною около вершка, нанесенная ножом. Рана эта ни угрожает опасностью к смерти. В чем акт сей и утверждаем нашим подписом избранные от общества депутаты... [там же, л. 82].

Оставленные на месте происшествия следы на снегу, земле и т. п. казаки измеряли веревочкой из конопли, а затем точно также измеряли подошвы у всех подозреваемых лиц. При «сличении» следов казаки всегда учитывали то обстоятельство, что оставшийся на влажной земле след немного расплывался, то есть был больше подошвы сапога правонарушителя.

Так, в Ярыженской станице случилась покража барана. Немедленно же были посланы есаулец и помощник атамана, чтобы снять мерку со следов, которые оставил вор на снегу: «измеряли веревочкой из конопли, как чеботари». Потом у всех заподозренных мерили точно так же подошвы, пока «мерка не пришлась аккуратно к сапогу одного станичника, которого и обвинили в воровстве» [21, с. 321].

Станичный атаман, урядник Фомичев, как только услышал о происшествии в доме Дулимова, распорядился тотчас арестовать тех проживающих в станице лиц, которые известны были своею разнузданною нравственностью. Затем приступил к осмотру местности около жилища Дулимова, где на влажной почве были замечены следы людей, шедших с займищной стороны. Следы эти шли сначала к пустому дому Дулимова, а потом к тому, где жили погибшие. Обстоятельство это навело на мысль станичного атамана, что злодеи были пришлые, посторонние люди, тем более, что мерки, снятые с открытых следов близ жилища Дулимова, не подходили к следам арестованных лиц [14].

Если казак подозревал другого казака в краже сена, то просил суд «сличить» свое сено с сеном заподозренного в краже. Свое сено

хозяин узнавал по цвету и составу входящих в него трав.

«Сено на сено не приходится, – говорили казаки, – то есть сено аржанец, а то ядреное, а то чернобыли много или донника... Все уж есть отличие какое-нибудь». То же было и при краже хлеба. Снопы двух хозяев различались в зависимости от того «как скручено связло», «где увязка»; «один перевязывает снопы ближе к голове, другой дальше; один подтыкает связь справа, другой слева». Хлеб «в зерне» различали по количеству в нем куколя, сорной травы и т. п. По способу связки «сличали» и камыш [21, с. 321].

В случае кражи леса требовалось доказать, приходятся ли концы срубленных деревьев, изъятых у подозреваемого, к оставшимся в месте порубки пням [9].

Об этом может свидетельствовать рапорт общества хутора Бреховского от 21 января 1860 г., поданный в Мигулинское станичное правление, в котором говорится:

...помещика Елавайского поселка Каменского крестьянин 14-го сего января на 12-ти пар воловых подводах, везли чрез хутор сырой лес для борон и плугов, вырубленным в нашем Мигулинском юрте, крестьянин же на вопрос наш сознался, что жители хутора Тиховского казаки Фома Савльев, Яков Рыбников, Данил Мирошников продали им за деньги, почему мы решились для ясного доказательства оставить один воз ононого леса при хуторе Брехове... А в разрешение затем прислать сюда приписного старика для освидетельствования того леса, о чем покорнейше доносит приказной Захар Стреножин [4, оп. 2, д. 1093, л. 2–2 об.].

В некоторых случаях для того, чтобы доказать вину подозреваемых в каком-либо правонарушении, станичники или хуторяне приводили не одно, а сразу несколько доказательств. В частности, в рапорте общества хутора Громчанского, поданном в Мигулинское станичное правление в 1860 г., говорится:

...10 числа днем казак Иван Горин узнав о пропаже объявил об этом старикам, которые смея, что Куренсков (подозреваемый. – С. К.) ночью отлучался долгое время из компании и явился с горохом, рассказали об этом Горину почему Горин разыскивая виновных в краже хомутов открыл, что вместе с хомутами брат у него в той же кухне горох и такого же свойства, какого Куренсков принес в компанию. Тут подозревая в этом воровстве

Куренкова Горин пошел к нему в дом и просил отца его, чтобы он убедил своего сына возвратить хомуты, если он взял, и обещал за то четверик пшеницы, отец его казак Василий обещался что я его заставлю подкинуть ночью непременно и действительно все эти вещи подкинута Горину во дворовых воротах и на другой день отец казака Куренкова Василий пришел к Горину за пшеницею и получил пшеницу. В эту ночь казак Иван Коробейников на заре уже когда разошлась от Одинцова компания видел возле двора Горина этих казаков Куренкова и Струкова. По всем этим обстоятельствам казаки Куренков и Струков сильно подозреваются в похищении вещей... [4, оп. 2, д. 1093, л. 41 об., 47–47 об.].

Что касается прав на животных (гусей, свиней и т. п.), то при отсутствии у сторон судебного разбирательства иных доказательств (особых мет и т. п.) суд принимал в качестве основного доказательства привязанность животного к хозяину.

...В станице Гниловской мне (Харузину М.Н. – С. К.) рассказывал один казак следующее: «Вот у меня пропали гуси. Когда пришла зима, они опять пришли ко мне гнездо вить. Соседи отлично знали моих гусей: они такие белые были. Не долго дожидались мы: пришел казак с хутора ко мне и требует своих гусей. Ну, сейчас и догадались мы, что это он уворовал-то. Соседи заступились за меня. Так он и ушел, ничего не получил...» [21, с. 321–322].

...В одном хуторе на свинью, пробывшую все лето в лугу, заявили права два хозяина, доказательство ни тот, ни другой не представили а каждый уверял, что свинья – его. Тогда по резолюции суда один судья отправился в хутор и предоставил окончательное решение: избрать себе хозяина самой свинье, которая зашла во двор истца, на чем все и закончилось с прибавлением «могарыча» [17].

При краже ружей их осматривали, чтобы определить, когда из них был сделан последний выстрел. Принимались в качестве судебных доказательств различные тавра, меты, «скрытые меты» на вещах и предметах домашнего хозяйства. Так, в Евтеревской станице был украден плуг. Вор утверждал, что купил плуг на ярмарке в другой станице. Тогда истец попросил позвать кузнеца, изготовившего этот плуг. В доказательство кузнец показал «скрытую мету под ухом» у плуга, которую вор не заметил [21, с. 322].

В спорах с овчинниками доказательством служили специально изготовленные «жеребки», но так как иногда овчинник приве-

шивал тот же жеребок к овчине более низкого качества, то казаки делали на своих овчинах еще и различные меты.

Большую роль в суде играли письменные документы: условия при усыновлении, отдельные акты, духовные завещания, условия, записанные при купле-продаже, найме, расписки, мировые сказки и т. п. В некоторых станичных судах требовали в качестве доказательства только письменные документы, засвидетельствованные в станичном правлении. В случае спора казаки-судьи сравнивали почерк ответчика с почерком, которым был написан документ.

«Народ ныне стал плохой, верить нельзя на слово, как прежде бывало», – говорили казаки [21, с. 322–323].

Кроме того, часто казаки просили выдать им копии с их «объявлений», заверенные станичным правлением, рассчитывая на дальнейшее судебное разбирательство и положительное решение дел в официальных судах.

В «объявлении» от 19 ноября 1860 г., поданном в Мигулинское станичное правление, казак Александр Мрыхин ссылается на следующее:

Назад тому времени лет 7: одной со мной станицы казак Дмитрий Лежнев, поимел промысел съехать на Волгу, купить для себя дехтю сколько ему требовалось, и на покупку онаго денег собственных не имел; почему он Лежнев обратился ко мне с покорностью и просил у меня 100 рублей асс. взаимобразно, я уважая его дал ему, с таким условием, чтобы Лежнев, как пользуясь деньгами моими привез бы и мне бочку дехтю, что и исполнено было им и я бочку вполне получил. На покупку дехтя для меня, я давал ему еще кроме тех 100 руб. взаимобразно 232 руб. асс.

Наконец, по возвращении с Волги домой Лежнев по обоюдному нашему согласию свои две бочки и мою третью дехтю распродав и мне разновремененно 216 руб. асс. взнес а в остальных более 30 руб. сереб. отказывается, что будто бы не брал, которые я до сего времени от него не получал. Обо всех же выше изложенных обстоятельствах, я в то время приносил станичному Правлению словесную жалобу; на что я никакого разрешения не видел.

Прошу неоставить понудить казака Лежнева к отдаче причитающихся мне более 30 руб. сереб. денег. На что и ожидаю милостивого уважения, а на дальнейший иск мой, прошу с сего объявления выдать мне точную копию засвидетельствованную

станичным правлением [4, оп. 2, д. 1093, л. 100–100 об., 109].

Например, такую «копию» словесной жалобы от 7 ноября 1860 г. получил казак Филипп Чепуренкин:

Дано сее уряднику Филиппу Чепуренкину в том, что он жаловался станичному правлению на казака Алексея Сережихина в том, что Алексей пас целое лето урядниковых овец по сборке овец 11 овец пропало через 2 дня урядник послал жену для разысканий овец то она не нашла ни одной через 17 дней Алексей оказал уряднику одну овцу и говорил уряднику что оставил за паство овца эта обрванный уши. Урядник имел от станичных правителей приказ для разбирательства их дела, то урядник приехавши к приказному собрав хуторской общество призвав Алексея спросили его, что естли у него где-нибудь овчины, то он ответил что есть в деле 3 овчины, а более нигде нет притом были свидетели [там же, л. 103–103 об.].

Однако не всегда даже наличие письменных документов служило доказательством истины.

Если в нынешнем году производится рубка в Глазуновской, в следующем в соседних Скуришенской или Кумылженской, – можно быть уверенным, что найдутся предприимчивые люди, которые заключат фиктивные сделки на покупку лесных пайков в соседней станице, приобретут «фиток», на котором какой-нибудь скуришенский Тяпкин нацарапает каракулями, что он продал глазуновскому Ляпкину свой пай, и у Ляпкина каждую ночь на базу будет появляться свежесрубленный лес, только не скуришенский, конечно. На случай придирки со стороны полиции, – вот он «фиток». Были случаи, когда на суде фигурировали «фитки» от лиц, живших за 60 верст от места порубки, продавших будто бы обвиняемому сотню кольев. И «фиток» приходилось принимать как документальное доказательство [9].

Доказательствами служили и различные символические действия, сопровождающие заключение брачного договора, договоров купли-продажи, найма и т. п. При заключении этих договоров стороны договаривались, зажигали свечу и молились Богу, «били по рукам», пили «могарыч» и давали небольшой задаток, а в случае заключения брачного договора «кляли заряд» (что-то вроде штрафа в случае отказа от заключения брака) на жениха и на невесту за бесчестье. После этих действий договор считался заключенным.

...Потом на хлеб невесты кладут хлеб жениха и отцы жениха и невесты, положивши руки на хлеба, определяют неустойку, на случай «рассказа», то есть отказа с чьей-либо стороны [15].

В день сватовства делают рукобитье ... При том кладут заряд, вроде штрафа в случае отказа, на жениха – 100 рублей, а на невесту – 50 рублей за бесчестье с этого дня брачный союз на словах считается заключенным [12].

Если одна из сторон откажется, в таком случае назначенную на рукобитье сумму денег, обязан заплатить другой (за бесчестье) [1].

При заключении разного рода сделок и договоров есть обычай пить могарыч, то есть угощаться чаем и водкой и перед этим бить по рукам. При крупных сделках, как то: при покупке дома или при найме работника, стороны договорившись, молятся Богу, ударяют по рукам и садятся за стол, на котором всегда есть хлеб-соль. Договор считается заключенным, если ударено по рукам, выпит могарыч и получен небольшой задаток – «по рукам, да в баню», – говорит пословица [13].

Чтобы обнаружить украденные вещи, очень часто казакам приходилось устраивать обыски по дворам. В некоторых станицах казаки к ним относились явно скептически: «Нужно сначала подать жалобу и просьбу об обыске: пока-то соберутся, а вор-то, глядишь, уж узнал да и припрятал покраденное-то». В хуторах обыскивали всех поголовно, «чтобы никому обидно не было».

Городские жители с сожалением смотрят на станичную и хуторскую жизнь с ее... наивным повальным обыском краденного леса [10].

К счастью, наш патриархальный обычай – обыскивать всех и каждого, помогает в случаях воровства, а иначе и купцам не жить бы [11].

При этом людей честных и уважаемых просили извинить «за беспокойство» и обыскивали их «только для вида». Во многих станицах и хуторах обыскивали лишь лиц, подозреваемых в краже.

1856 года сентября 2-го дня нижеподписавшиеся Гниловской станицы станичный атаман есаул Григорий Арпашарин, судья урядник Петр Данилин и понятия: урядник Степан Краснянсков и казак Авраам Коломыбцов по жалобе Черниговской губернии Борзенского уезда села Хорошаго –

озера казенного крестьянина Демьяна Антонова Савотканова на казака сей Гниловской станицы Пантелея Терентьева в захватии будто бы им 300 руб. сер. По производству им торговлею разными продуктами. Обыскали мы дом казака Пантелея Терентьева, и по строжайшему обыску его дома никаких денег не найдено в чем акт сей утверждаем нашим подписом [4, оп. 2, д. 1332, л. 7].

В качестве судебных доказательств принимались присяга, божба, клятва, снятие со стен икон и целование их, целование дула у заряженного ружья с взведенным курком и прочее [18, с. 160; 20, с. 325].

«Божбе мало верят судьи», – говорили казаки. Но казаки все же различали клятвы «малые» и тяжкие. Распространены были следующие клятвы: «Чтоб я с этого места не встал», «Дай же мне, Бог, с места не сойти», «Лопни утроба», «Полопайся мои глаза», «На себе креста не видать», «Чтоб мне разговеться Бог не привел», «Чтобы праздника святого не дожидаться» и т. д. Или же такая клятва: сказав «как Бог видит», наклонялись и делали движение рукой, как будто поднимали горсть земли ко рту, чтобы съесть. Подобным клятвам мало верили. Но была у казаков «тяжкая» клятва, которой верили все – клятва своими детьми. Произносящий эту клятву говорил примерно так: «Вот у меня трое детей – не дай же, Бог, мне их с вечера увидеть» [21, с. 325].

Следует обратить внимание на то, что во второй половине XIX в. сама клятва, казалось бы, наиболее консервативный, традиционный элемент обычного права, подвергается изменениям в зависимости от конкретных обстоятельств ее применения. В частности, при сохранении общей внешней формы выражения клятвы изменяется ее внутренне содержание, которое начинает учитывать нормы обычного права. Это наглядно демонстрируют следующие примеры. Клятва, к которой приводил в 1853 г. священник Федор Казанский граждан Тепикинской станицы, звучала так:

Я нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием и Животворящим Крестом Господним, в том, что в деле сим по которому я ныне призван и в чем меня будут спрашивать покажу самую истинную христианскую правду не наговя и не посягая ни на какую сторону ни для дружбы вражды свойства или подарков ни от страха ради твоя суть явственно и

чисто так как мне пред Богом и Судом его Страшным в том ответ дать должно в Заключение от сей моей клятвы целую слово и Крест Спасителя моего. Аминь [4, оп. 3, д. 1294, л. 16].

А вот как клялись крестьяне в 1878 г. священнику слободы Чистяковой Александру Кожину:

Я нижепоименованный обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, о всем, что по производимому в войске Донском распределению земель до съемки и размежевания их, для узаконенных наделов в юртовое казачье владение, войсковое владение и в частное потомственное и пожизненное владение относиться может, показывать справедливо, по совести, и ни как не скрывать истины, так как перед Богом и Судом Его страшным всегда в том ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы, целую слово и крест Спасителя моего. Аминь [там же, оп. 4, д. 762, л. 14].

«Присяга на ружнице» применялась во многих станицах и хуторах. Для этого заряжали ружье, клали на стол с взведенным курком, а рядом с ним ставили икону. Все приходило к ружью по очереди, клялись перед иконой в своей невинности, а затем целовали икону и дуло ружья. По мнению казаков, «кто присягнет ложно, того ружье должно поразить насмерть». В большинстве станиц и хуторов к этой присяге относились с большой верой, и вор, приведенный к ружью, предпочитал сознаться в своей вине. В случае пропажи вещи казаки иногда лишь объявляли, что завтра будут всех к присяге на ружье приводить, и ночью украденная вещь подкидывалась обратно ее владельцу. Но в некоторых станицах присяге на ружье не верили и даже смеялись над ней: «Ныне народ-то уж больно хитер стал, ничем ты его не испугаешь» [21, с. 326].

Точно также для доказательства вины подозреваемых в правонарушении применяли снятие со стены иконы и целование ее [там же, с. 326–327].

Самая сильная клятва народа состоит в следующем: клянущийся снимает со стены икону и, переверачивая ее нижним концом вверх, говорит: «Если я в таком-то деле виновен, то перевернет меня вверх ногами так-то» [2].

Если преступление не доказано, или преступник совсем не известен, то в наказание ему, или на погибель его ставят обидящую свечу. Это обычно-

венная свеча, но только ставимая концом вверх. Стараются не ругать и не проклинать укравшего, но желают ему добра и здоровья, даже служат молебны за здоровье его. В таком случае его непременно начнет мучить совесть и он, пожалуй, принесет украденное. Если подозревают кого в воровстве, то на его имя подают просфоры, служат панихиды, поминая его как усопшего. Также берут обрезок украденной вещи (если это платы), относят в кузню и кладут в мех: тот, кто украл, станет пухнуть (раздуть его станет подобно меху), и не прожив года, непременно умрет. То же самое будет, если бросить часть того, что украдено, под жернов мельницы [18, с. 160; 23, с. 8].

Дабы чем-либо обидевшего наказать, следует с усердною молитвою, поставить в церкви какому-нибудь святому свечку нижним концом вверх, молясь: «Переверни так моего врага» [2].

В Евтеревской, Гниловской и других станицах в случае, если виновный не «отыскивался», служили молебны Ивану Воину и ставили свечу «на вынтръ», «вверх ногами», для того «чтоб загорелась совесть у преступника» или «чтобы и преступника также перевернуло» [21, с. 329].

Святой Иоанн Воин в некоторых местностях известен народу только под именем святого Ивана Встречного. Называется он так потому, что, по народному убеждению, как только вор украдет что-нибудь днем или ночью, навстречу ему всегда выходит святой Иван Встречный. Так как образа того Ивана Встречного нет ни в одной церкви, то свечи ему ставят перед образом всех святых. ...В числе чудес, совершенных святым, есть и открытие татьбы [23, с. 9].

Следует отметить, что все перечисленные средства поиска преступников, распространенные в казачьем быту, давали иногда неплохие результаты.

Замечательно, что вместо того, чтобы принимать хоть какие-нибудь меры к разысканию сворованного, у нас чаще принимаются иного рода затеи: ворожба и служение молебнов с целью внушить страх ворами. ...Бывали случаи, что служением молебнов приводили воров к раскаянию [3].

Пользовались казаки также услугами гадалок, ворожей, а зачастую и сами прибегали к гаданию.

Чтобы открыть истинного в каком-нибудь деле виновного, собирают несколько заподозренных личностей, на которых и гадается так: берется две псалтыри, из которых по одной читается 109 и

148 псалом, а в другую залаживается в середину ключ и застегивается на петельки; ключ берется вместе с книгой на одни указательные пальцы; если загаданная личность виновна, то во время чтения тех псалмов псалтырь, словно наэлектризованная, начинает вертеться до того сильно, что нельзя бывает удержать ее в руках... [2].

А тут еще станичный атаман приказал отбирать у кого платки, у кого, если нет платков, учкуры и с ними отправил целую экспедицию в город Нахичевань к какой-то знахарке, которая де по этим платкам и учкурам узнает кто виновник в краже общественных денег [6].

...Если сворованы волы или лошадь... ищи, не найдешь; а то пойдешь к кому следует, поворожат и укажут – пойдешь и найдешь [5].

Тем не менее не все казаки верили в чудодейственные способности «угад» или «ворожей».

Эти лица – командиры воровских шаек; сами они воровать не ездят, а лишь укрывают воров и получают от этого барыши.

К этим лицам и обращались за помощью пострадавшие. Иногда подобное посредничество между ворами и потерпевшими от них убытки осуществлялось более открыто, не замаскировываясь колдовством. Например, казаки станицы Гниловской в случае кражи скота нередко ездили в Ростов-на-Дону. Там был известен один кабак, в котором всегда можно было добыть точные сведения о пропавшей скотине. Была и своеобразная такса: за возвращение быков – 15 рублей, за коня – 8 рублей. Кабатчик всегда точно указывал место, где будет украденный скот и казак находил его там [21, с. 329–330].

Бывало, если у кого пропадет лошадь, то хозяин не разыскивает ее обыкновенным путем, а отправляется к некоему Ч-ву, у коего и выкупал свою же собственную лошадь за синенькую, либо за красненькую, смотря по ценности украденного. Найти другим каким способом помимо Ч-ва никому не удавалось... [8].

В хуторе Малаховом несколько лет тому назад появилась большая шайка конокрадов... Каждый казак или крестьянин, не имея возможности сам найти украденную лошадь, отправляется прямо к конокрадам, захватывая с собою приношение, и удовлетворив их, получает

свою лошадь, спрятанную где-нибудь в уединенном месте... [20].

Отсутствие доказательств само по себе не влекло отказа истцу или потерпевшему в удовлетворении его требований. Судьи старались «уличить» ответчика (обвиняемого) «окольным путем» и, наконец, решали дело по «личному своему убеждению», «по голосу совести», «глядя по человеку», «соображаясь с обстоятельствами дела».

У нас, – говорили казаки, – друг друга знают отлично: иной и заплачет на суде, да ему не поверят, а пристыдят только – Э, мол, казаки слезам не верят [21, с. 331].

Если, например, истец или обвинитель человек всем известной честности, а ответчик или обвиняемый – человек, уже замеченный в чем дурном, то его обвиняют, хотя бы положительных доказательств его вины и не было [18, с. 158].

Наглядным подтверждением сказанного может служить дело, рассмотренное в 1845 г. судом станичного схода станицы Еланской, по которому был вынесен обвинительный приговор, несмотря на отсутствие явных и прямых доказательств вины подозреваемого:

Войска Донского Еланской станицы станичные правители и граждане на станичном сборе имели суждение, что сдешней станицы казак Гавриил Щетников донес сему Правлению, что он 11 числа сего месяца в ночи в близи полночи поймал у себя на конском базу сей же станицы казака Осипа Исаева, намеревавшегося своровать строевого его коня. Исаев же при вопросе в станичном правлении хотя и не сознался в том, но изобличается он в худом намерении тем, что когда увидел Щетникова идущего на тот баз побежал от него. Как злонамеренный человек, а как он Исаев и прежде вел себя худо, делал кражи... постановили: ...наказать [4, оп. 3, д. 156, л. 6 об.].

Иногда, в случае отсутствия или недостаточности доказательств, судьи выносили решение «грех переломить пополам», то есть определяли, что ответчик (обвиняемый) должен заплатить истцу (потерпевшему) только половину той суммы, которую истец (потерпевший) просил взыскать.

Это бывает в случае гибели скота во время езды, пастьбы, или в случае недостатка доказательств для решения спора [18, с. 158].

В суде был такой случай: один товарищ искал с другого 5 рублей недодавших. Оба товарища клялись-клялись на икону и каждый утверждал противное. Суд, не видя, кто говорит правду, положил грех переломить пополам [13].

Таким образом, можно сделать вывод, что по обычному праву донских казаков во второй половине XIX в. судебные доказательства имели большое, но далеко не всегда определяющее значение для вынесения справедливого решения (приговора) по делу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века», проект № 11-13-34009 а/В.

² Здесь и ниже в цитатах сохранена орфография и пунктуация источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, Н. Из Каменской станицы / Н. Антонов // Донские областные ведомости. – 1875. – № 84.
2. А-ов, Иф. Народные поверья и приметы, собранные в одном из хуторов станицы Калитвенской / Иф. А-ов // Донские областные ведомости. – 1880. – № 3.
3. Воровства в станице и средства их открытия. Из станицы // Донские областные ведомости. – 1874. – № 33.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 338. – Оп. 2–4.
5. Из Л... станицы // Донские областные ведомости. – 1875. – № 86.
6. Из Старочеркаска // Донские областные ведомости. – 1878. – № 80.
7. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – Кн. X, № 3. – С. 107–143.
8. Каменнов, В. Из Распопинской станицы / В. Каменнов // Донские областные ведомости. – 1874. – № 2.
9. Крюков, А. О станичных лесах Донской области / А. Крюков // Сборник областного войска Донского статистического комитета. – 1911. – Вып. 10. – С. 89–89.
10. Мелочи для истории донцов // Донская газета. – 1875. – № 4.

11. Никулин, П. Заметки проезжего / П. Никулин // Донские областные ведомости. – 1874. – № 39.

12. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го Округа / П. Никулин // Донская газета. – 1875. – № 84.

13. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го Округа / П. Никулин // Донская газета. – 1876. – № 45.

14. Н-р Д-ской. Убийство в Верхне-Курмоярской станице : (Из записок проезжего) / Н-р Д-ской // Донские областные ведомости. – 1879. – № 61.

15. Пономарев, С. Луганская станица. Рукобилье / С. Пономарев // Донские областные ведомости. – 1876. – № 50.

16. Станица Семикаракорская (I-го Донского Округа) // Приазовский край. – 1897. – № 329.

17. Станичные картинки // Донская газета. – 1875. – № 70.

18. Тимошенков, И. В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы / И. В. Тимо-

шенков // Труды областного войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1874. – Вып. 2. – С. 139–181.

19. У-в. Случай из современной судебной практики / У-в // Донские областные ведомости. – 1875. – № 97.

20. Ульянов, И. Хутор Пронин (Усть-Медведицкого округа) / И. Ульянов // Донской голос. – 1883. – № 38.

21. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1885. – Вып. 1. – 386 с.

22. Хутор Веселый // Приазовский край. – 1889. – № 339.

23. Якушкин, Е. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия / Е. Якушкин // Этнографическое обозрение. – 1891. – Кн. IX, № 2. – С. 1–9.

TYPES, WAYS OF THE RECEPTION AND IMPORTANCE OF JUDICIAL EVIDENCE IN COURT PROCEEDINGS ON CUSTOMARY LAW OF THE DON COSSACKS IN SECOND HALF OF THE XXth CENTURY

S. Yu. Krasnov

In the given article the author develops the concrete historic reconstruction of types, ways of the reception and importance of judicial evidence in the activity of regular court (including courts of Cossack villages), that functioned in the region of the Don Cossacks Forces in the second half of the 20th century. The author in detail considers all the types of judicial evidence applicable in practical regular court, and reveals the particularities of each type of the fact of evidence. The involvement of extensive factual materials, including the introduction of not previously published archive data into scientific investigation before, as well as their detailed analysis, which allowed the author of the article to come to the conclusion that according to the customary law of the Don Cossacks in the second half of the 20th judicial facts of evidence were of considerable importance, but by no means always the defining importance for justice of the case.

Key words: *customary law, Don Cossacks, court proceedings, types of judicial evidence, history of the law of Russia.*